

*На правах рукописи*

**Кумаева Людмила Васильевна**

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ  
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.  
О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Специальность 07.00.09. – историография,  
источниковедение и методы исторического исследования

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Казань – 2011

Работа выполнена на кафедре отечественной истории Института истории  
ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

**Научный руководитель:** кандидат исторических наук, доцент  
**Бикташева Алсу Назимовна**

**Официальные оппоненты:** доктор исторических наук, профессор  
**Малышева Светлана Юрьевна**

кандидат исторических наук, доцент  
**Галанин Сергей Федорович**

**Ведущая организация:** Историко-архивный институт  
ГОУВПО «Российский государственный  
гуманитарный университет»

Защита состоится 19 января 2012 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, д.74, корпус Института истории КФУ, ауд. 3.11.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35; с авторефератом – на сайте Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации – <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан « \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2011 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
кандидат исторических наук,  
доцент



Д. Р. Хайрутдинова

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Идейным пафосом эпохи Просвещения было стремление политических элит разных стран создать «новую породу» людей, лишенных предрассудков, использующих неограниченные возможности разума и понимающих природу вещей. Данное исследование посвящено выявлению механизмов реализации данного намерения в условиях России. Оно сосредоточено на анализе конструктивистских устремлений издателей и писателей журналов второй половины XVIII – первой половины XIX века и их очевидного плана породить в сознании соотечественников представление о Российской империи как цивилизованной многонародной стране, интерпретировать это разнообразие как богатство и культурное преимущество. Можно также сказать, что в данной работе изучается ментальная картина Российской империи, которую создавали в воображении читателей авторы журнальных статей. Поскольку исследование связано с выявлением механизмов формирования представлений о сообществах и группах жителей, путях складывания национальной идентичности и этнических стереотипов, всё многообразие народов Российской империи я обозначаю документальным термином «народонаселение».

Такой ракурс изучения позволил по-новому оценить источниковые возможности периодической печати для написания истории становления национального и этнического самосознания россиян. Специфика этого вида источников заключается в том, что журналы и газеты того времени аккумулировали сведения о человеческих и природных ресурсах империи и творчески перерабатывали их исходя из намерения внушить читателю определенное видение мира. Поэтому исследователь периодической печати имеет дело не с «зеркалом реальности», а с механизмами ее формирования.

**Актуальность** исследования задана междисциплинарным характером изучения процессов конструирования сознания. Диссертация посвящена анализу массовых представлений о народонаселении Российской империи, которые отражались и которые формировались в сознании россиян посредством периодической печати конца XVIII – первой половины XIX века. Характерной особенностью интересующего меня периода является просвещенческая вера политических элит в возможность создания «новой породы людей». Исходя из этого, журналы, предназначенные для чтения массового читателя, рассматриваются мною как средства социального управления.

Для современного состояния культуры такое исследование является актуальным в нескольких отношениях. Во-первых, с точки зрения подопытия. В ситуации всевозрастающей зависимости картины мира современ-

ных людей от средств массовой информации социальные психологи и специалисты в когнитивных исследованиях утверждают манипулятивный характер такого воздействия. Согласно их выводам, передача информации через СМИ не может быть безоценочной, объективной. Это всегда анализ, создание нового смысла, оценки, восприятие, интерпретация. Таким образом, СМИ не столько информируют человека о происходящем в окружающем мире, сколько заставляют его поверить в ту или иную версию реальности. В связи с этим в истории журналистики, социологии и в политических исследованиях изучаются такие проблемы, как способы (механизмы) воздействия, провоцируемые эффекты, создание социальной напряженности, конструирование социальной реальности. Благодаря им, даже в исторических работах, утвердилась точка зрения, согласно которой реальность не «отражается» в периодических изданиях, но создается журналистами и публицистами и существует в качестве репрезентации. Все исследователи подчеркивают особую социальную функцию журналистики в формулировании и формировании общественного мнения, в его организации и управлении им<sup>1</sup>.

Во-вторых, исследование высвечивает культурные различия. При всем соблазне уподобления, в изучаемое мною время публицистика и журналистика имели иные социальные функции, чем теперь. Не было столь большой дистанции между пишущими и читающими. Круг образованных людей в России был довольно узким, вследствие чего были возможны личные контакты между ними вне литературного пространства. Кроме того, в условиях слабого распространения грамотности мы имеем дело с ограничениями в распространении знаний. И, наконец, в исследуемое время было слабее выражено разделение между типами научного и обыденного знания. Эти особенности транслируемых сведений и способов их передачи обусловили специфику представлений современников о стране, в которой они жили, а, следовательно, и на решения, которые они принимали.

XVIII век был в России временем рождения газет и журналов. Довольно скоро из средства удовлетворения любознательности периодика стала превращаться в средство формирования сознания. Заданное энергией Петра I экспедиционное обследование пространства Российской империи (составление карт и описаний территории) ко второй половине XVIII века переходят в разряд постоянной научной деятельности. В результате полученных результатов политическая власть обрела новые сведения о

---

<sup>1</sup> Моисеев В. А. Печать в системе социального управления. М., 1982; Корконосенко С. Г. Социальное управление и печать. Л., 1989; Дергачева Л. Д. Источниковедческое исследование периодики и теория управления // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 4. С. 79–89.

своих подданных, их сообществах, особенностях их жизнедеятельности, обычаях и представлениях. Через печать ученые и государственные деятели делились полученными знаниями с читателями, желая породить в них любовь к Отечеству.

В российской периодической печати конца XVIII – первой половины XIX века одной из постоянных была этнографическая тема. При этом журналисты не просто транслировали научные сведения, а создавали собственное видение темы человеческого многообразия России. Воспринятые образы превращались в сознании читающей аудитории в своеобразные стереотипы восприятия того или иного народа Российской империи. Поскольку стереотипы обладают чрезвычайной устойчивостью, часть из них сохранились до наших дней. Таким образом, изучение материалов периодической печати указанного периода позволяет деконструировать этнические стереотипы.

**Научная новизна** темы определяется её слабой разработанностью в историографии, а также ревизией методологических оснований для такого рода исследований, осуществленной в последние десятилетия.

Вопросы, связанные с созданием представлений о народах Российской империи на страницах отечественной периодической печати конца XVIII – первой половины XIX века не были темой специального исследования. Разрешение обозначенных проблем находится в междисциплинарной зоне. До настоящего времени изучением народов Российской империи занималась, в основном, этнографы, а исследование журналистики этого периода являлось частью истории отечественной литературы. Изучение проблем формирования представлений находилось в ведении истории идей. В данной работе впервые соединены предметные области этих наук, что позволило проанализировать проблему методами источниковедения и новой социальной истории.

**Объектом** исследования является периодическая печать конца XVIII – первой половины XIX вв. **Предметом** исследования является формирование представлений о народонаселении Российской империи в отечественной периодической печати конца XVIII – первой половины XIX вв.

**Целью** диссертационного исследования является реконструкция технологии конструирования и репрезентации народов на страницах российских журналов конца XVIII – первой половины XIX вв.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

- определить специфику («источниковедческую ценность») отечественных журналов конца XVIII – первой половины XIX вв. как источника сведений по данной теме,

- проанализировать способы литературной репрезентации народов и изменения в них,

– выявить «строительный материал» (научные сведения, стереотипы, фольклорные образы, метафоры и прочее), используемый публицистами для конструирования народных образов.

**Хронологические рамки исследования** очерчивают период с конца XVIII века до середины XIX века и обусловлены единством идейных постулатов интеллектуалов. Несмотря на понятное желание исследователей отделить век от века и установить хронологические границы между ними, есть темы, для которых такое деление не допустимо. Прежде всего, это касается исследований идей. Предложенные мною хронологические рамки охватывают период господства в интеллектуальном обществе идей Просвещения, их матриц видения и представления. В это же время происходило становление российской прессы и частных издательств. Частные литературно-общественные журналы содержали разностороннюю тематику, в них участвовали многие интеллектуалы того времени, они приносили новые идеи. Верхняя граница обусловлена затуханием общественно-политических изданий, носивших характер частной инициативы издателя, особенно проявившееся в «мрачное семилетие» Николая I (1848–1855 гг.), и созданием новых подходов к изданию журналов, отвечающим сформировавшемуся институту российской журналистики.

**Источниковую основу исследования** составили: законодательные акты и периодическая печать.

Законодательные акты Российской империи XVIII – XIX веков, связанные с издательствами, цензурой и т.п., определяли условия существования литературно-общественных журналов конца XVIII – первой половины XIX вв. Благодаря указу «О вольных типографиях» в 1783 г. издательское дело перестает быть монополией правительственных учреждений, теперь частное лицо могло создать собственную типографию и печатать сочинения, как на русском, так и на иностранном языках. Правительственное распоряжение 1771 г., указы от 31 мая 1780 г. и от 15 января 1783 г. определили первые положения цензурных ограничений в области печати в Российской империи.

Первым официальным цензурным уставом был Устав от 9 июня 1804 г. Перед органами, осуществлявшими цензурные постановления, ставилась, помимо прочего, задача по воспитанию: «удалять книги, противные нравственности, но и доставлять обществу книги, „способствующие истинному просвещению ума и образованию нравов“». Либеральный характер нового устава определялся также требованием толкования «двусмысленных мест» в пользу автора сочинения. В 1826 г. был издан второй цензурный устав, сочиненный министром народного просвещения А. С. Шишковым, и получивший меткое прозвание «чугунный». Главным органом цензуры сделан был Верховный цензурный комитет из трех чле-

нов министров – народного просвещения, внутренних дел и иностранных дел. В самых цензурных правилах до мельчайшей подробности определены обязанности цензора, именно с воспитательно-педагогической точки зрения. Запрещалось помещать официальные статьи и известия о важнейших событиях, относящихся до России, «прежде нежели они обнародованы будут от правительства» (§ 139). Не позволялось пропускать к напечатанию места в сочинениях и переводах, имеющих двоякий смысл, «ежели один из них противен цензурным правилам» (§ 151). Запрещалось авторам выпущенные цензурою места обозначать точками или другими знаками, «как бы нарочно для того поставляемыми, чтобы читатели угадывали сами содержание пропущенных повествования или выражений, противных нравственности, или общественному порядку» (§ 152). Этот устав предписывал запрещать к публикации любое издание, содержащие неуважение к власти и религии. Через два года, устав был изменен. По цензурному уставу 1828 г. главным ведомством по цензурным ограничениям становилось Министерство народного просвещения. Появлялась строгая структура прохождения цензуры – попечители учебных округов, местные комитеты, а также ведомственные цензурные комитеты. Местные цензурные комитеты под председательством попечителей учебных округов организовывались в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Риге, Вильно и Тифлисе. Отдельные цензоры назначались в Казани, Дерпте, Ревеле. Новый устав 1828 года отказался от своей педагогической роли: он просто обязывает цензуру «рассматривать произведения словесности, науки и искусству назначаемые к изданию в свет внутри государства, посредством книгопечатания, гравирования или литографии». Обращение к данному типу источников позволило определить роль государства в отборе и публикации материалов в периодической печати, зависимость журналов от деятельности цензоров и др.

Периодическая печать конца XVIII – первой половины XIX веков является для меня основным источником. Из значительного количества журналов этого периода, отвечающими цели исследования являются 300 литературно-общественных журналов и более 1300 журнальных произведений. Среди анализируемых изданий есть как известные и продолжительные журналы – «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Русский вестник» и др., так и менее известные – «Благонамеренный», «Лицей», «Ни то ни сию», «Трудолюбивый муравей». Специфике данного типа источника посвящена первая глава данного исследования.

**Степень изученности проблемы.** Историографическая основа исследования условно поделена автором диссертации на несколько групп:

1) Общие исторические работы, посвященные журналам определенного периода, или отдельным периодическим изданиям. Важным и вос-

требуемым исследованием стало учебное пособие «История русской журналистики XVIII–XIX веков», изданное в Московском университете, под редакцией А. В. Западова<sup>2</sup>. Впервые в этой книге были комплексно представлены и проанализированы журналы XVIII–XIX вв. Наблюдения и выводы, сделанные авторским коллективом, являлись отправными точками для последующих исследователей журналистики этого периода. Среди них: П. Н. Берков, В. Г. Березина, Б. И. Есин и другие<sup>3</sup>. Исследования отдельных изданий<sup>4</sup>.

2) Исследования, связанные с известными деятелями истории журналистики конца XVIII – первой половины XIX вв. Дооктябрьские и советские исследователи обращались к материалам периодической печати в связи с интересом к личностям, участвующим в издании журналов<sup>5</sup>.

3) Работы, посвященные изучению взаимосвязи истории общественной мысли и периодической печати<sup>6</sup>. В данных исследованиях выявлялось влияние политических и социальных идей на материалы журналов, а также обратная реакция читателей журналов на данного рода сообщения. Эти исследования, помимо важной содержательной части, явились для

---

<sup>2</sup> История русской журналистики XVIII–XIX веков. М., 1963.

<sup>3</sup> Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.-Л., 1952; Березина В. Г. Русская журналистика второй четверти XIX века (1840-е годы). Л., 1969; Березина В. Г. Русская журналистика первой четверти XIX века. Л., 1965; Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840–1850 гг. М.; Л., 1951; Есин Б. И. История русской журналистики XIX в. М., 1989; Мордовченко Н. И. Журналистика начала XIX века // История русской литературы. Т. V. М.; Л., 1941. С. 42–52; Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 1. XVIII век и первая половина XIX века. Л., 1950.

<sup>4</sup> Гиппиус В. В. «Вестник Европы» 1802–1830 годов // Ученые записки Ленинградского университета. 1939. № 46. Вып. 3. С. 201–228, Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769–1774 гг. СПб., 1914; Пирожкова Т. Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997.

<sup>5</sup> Орлов В. Н. А. Полевой и «Московский телеграф» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 256–299; Сухомлинов М. И. Н. А. Полевой и его журнал «Московский телеграф» // Исторический вестник, 1886. Т. 23. № 3. С. 503–528; Ставрин С. [Шашков С.] Полевой и «Московский телеграф» // Дело. 1875. № 5. С. 105–141; Корсаков Д. А. О. И. Сенковский и М. П. Погодин как журналисты. Казань, 1902; Пирожкова Т. Ф. Н. И. Карамзин – издатель «Московского журнала» (1791–1792). М., 1978; Станько А. И. Пушкин – журналист и редактор. Ростов н/Д, 1973; Погодин М. П. «Московский журнал» Карамзина // Русский вестник. 1866. № 7. С. 237–262; Лининченко А. И. Журнальная деятельность И. А. Крылова // Университетские известия. 1868. № 3. Отд. II. С. 37–46.

<sup>6</sup> Брикнер А. Г. «Санкт-Петербургские ведомости» во время французской революции // Другая и новая Россия. 1876. № 1. С. 71–87; № 2. С. 158–173; Пумпянский С. Великая французская революция в освещении екатерининских газет // Звезда. 1930. № 9–10. С. 247–252.



настоящего исследования примером изучения идейных течений в журналистике.

4) Исследования, раскрывающие проблемы истории литературы и журналистики конца XVIII – первой половины XIX в.<sup>7</sup>

Отправной точкой для данной диссертационной работы явились многолетние исследования Е. А. Вишленковой в области визуальных представлений о народах Российской империи<sup>8</sup>. На основе разнообразных графических источников (лубка, карикатуры, росписи на посуде, медалей, гравюр и т.п.) Е. А. Вишленкова анализирует не только этнические стереотипы людей XVIII–XIX вв., но и культурные границы между народами, зачатки национальных чувств, общности, понимания «нации».

В современной историографии появляется все больше работ, посвященных выявлению создаваемых периодической печатью представлений. Прежде всего, следует указать на монографию Н. Н. Родигиной, посвященной образу Сибири в исторической журналистике второй половины XIX вв.<sup>9</sup> Автор опирался на ментальное картографирование и социологические подходы, что позволило выявить стереотипные оценки в восприятии отдаленного региона империи.

**Методология диссертационного исследования.** Исследование базируется на следующих принципах: историзм и объективность, обязывающие рассматривать объект изучения в контексте конкретно исторических условий, в связи с изменениями социально-политической обстановки и идейных убеждений общества. Сочетание системного, микро- и макро-исторического подходов позволило перейти от эмпирического уровня познания (выявление, описание и анализ информации источников) к теоретическому (синтезу и объяснению полученных данных). Наиболее часто применялись системный подход, проблемно-хронологический, историко-сравнительный подходы, методы реконструкции и интерпретации.

В связи с большим количеством и разнообразием направленности журналов конца XVIII – первой половины XIX вв. была применена выборка, которая определялась кругом тех периодических изданий, которые обращались к теме народов империи. С целью наиболее полного исследования основного источника данной работы использовался прием сплошного просмотра годовых комплектов отобранных журналов.

---

<sup>7</sup> Солнцев В. Ф. «Всякая всячина» и «Спектатор» // Журнал Министерства Народного просвещения. 1892. №1. Отд. II. С. 125–156; Кулешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1959.

<sup>8</sup> Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.

<sup>9</sup> Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006.

В историко-источниковедческой литературе о печати разработано три подхода при ее изучении:

- теоретический, направляющий исследователя на определение социальной роли и функций периодических изданий, механизма их влияния на сознание общества и управление им, на внутри- и внешнеполитическую практику;

- исторический, нацеливающий исследователя на выяснение общественно-политических условий, вызвавших и сопровождающих выход издания, уточнение процесса его создания и функционирования, выявление имен и идейных взглядов его учредителей, издателей, редакторов и сотрудников (авторов) и, конечно, на анализ содержания, определение его информационной многоплановости<sup>10</sup>;

- источниковедческий, признающий главной целью определение научно-познавательной ценности периодического органа как дуалистической системы, являющейся и документальным источником (частью прошлого), и нарративным – отражающим прошлое<sup>11</sup>.

Эффективными для данной проблемы являлись методы, применяемые в социологии. П. Бурдьё предложил подход для историко-социологического изучения текстов, созданных журналистской средой («по-лем»)<sup>12</sup>. Р. Барт дал пример социологического изучения мифов, созданных прессой, стереотипов, образов<sup>13</sup>.

Среди современных исторических подходов, наиболее важными в данном исследовании являлись достижения в области истории идей и истории понятий, исследования национализма. Р. Козеллек основал научное направление *Begriffsgeschichte*, которое реконструирует не только семантику ключевых категорий и терминов, но и историю их бытования в культуре. Главными особенностями всех этих подходов являются внимание к изменчивым (а не константным) явлениям в истории, стремление анализировать процессы, а не констатировать полученные результаты. Р. Козеллек считал рубеж XVIII–XIX вв. переломным временем, поскольку именно тогда появились понятия и термины, на которых выстраиваются современные концепции национализмов. Они нацелены на абстрактное представление, а не на прошлый эмпирический опыт. От этого исследуе-

---

<sup>10</sup> См.: Есин Б. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981; Он же. История русской журналистики XIX в. М., 1989; Грабельников А. А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества. М., 2001.

<sup>11</sup> См.: Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 223–231, 325, 331–337; Голиков А. Т., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории. М., 2000. С. 381–391; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 451–465, 621–634.

<sup>12</sup> Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М., 2002.

<sup>13</sup> Барт Р. Мифологии. М., 2000.

мые понятия стали более вариативными, без фиксированного значения, зависящими от авторского представления и контекста их использования<sup>14</sup>. В связи с этим я предполагаю, что анализ ключевых понятий российской публицистики («народ», «племя», «нация», «империя» и др.), позволит найти доступ к коллективным представлениям группы людей или всего общества о своей групповой идентичности. Бенедикт Андерсон является одним из основателей конструктивистского подхода в исследовании национализма. Он доказал, что такое явление как нация является конструкцией, созданной общественными и политическими деятелями<sup>15</sup>.

### **Положения, выносимые на защиту:**

1. Периодическая печать исследуемого времени предстает многоплановым и богатым историческим источником, предоставляющим не столько этнографически точные сведения о народах Российской империи, сколько данные о строительном материале для формирования этнических стереотипов, представлений и образов. Этот источник позволяет выявлять целеполагание этно- и нацио-строителей, примененные ими технологии созидания народных групп в сознании современников. Проанализировав весь объем публикаций периодической печати почти за столетие, удалось реконструировать процесс складывания ментальной карты империи и получить понимание того, как печатное слово участвовало в формировании патриотизма и знания Отечества.

2. Используя сведения о народах, добытые из западных публикаций разных жанров, из записок путешественников, из экспедиционных и ведомственных отчетов, преобразуя их в соответствии с собственными идейными намерениями, российские писатели создавали оригинальные этнические образы. Многие из них далеки от признаков научного этнографизма и аутентичности, являясь в значительной степени плодом фантазии.

3. Интерес российских публицистов к проблемам народонаселения характерен для века Просвещения, но за исследуемый период сменились целевые установки исследователей и писателей этой темы. В XVIII веке их больше всего интересовало соотнесение обнаруженных групп населения с зонами цивилизации и варварства, а в начале XIX века – с цивилизационной шкалой. Во второй четверти XIX столетия тема народонаселения оказалась актуальной для становящегося русскоцентричного мифа и идеологии официальной народности. Смена установок отразилась на изменении языка описания, использовании метафор и отбора строительного материала для формирования образов.

---

<sup>14</sup> См.: Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века. СПб., 2006. С. 33–53.

<sup>15</sup> См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

4. Выявленным в периодике исследуемого времени этническим образам характерны культурно-психологические характеристики (установление жесткой связи между именем народной группы и индивидуализирующим свойством), географический детерминизм (привязка народа к определенной местности), доминирование визуальных отличий (особенностей народного костюма, лицевых признаков, фиксация характерных поз и движений). Созданные посредством комбинирования этих признаков образы помещались писателями в определенный культурный контекст, который фиксировал народных представителей в культурной иерархии.

5. Неоднородность периодических изданий с точки зрения их политических и идейных установок, а также смены редактора, издателя, состава авторов порождали прерывистость и гибкость журналистского дискурса, обеспечивали сосуществование в нем нередко противоречащих друг другу образов. Наиболее сложной и подверженной пересмотрам оказалась работа с «русским народом». Такое сложное образование не поддавалось локальной приписке, описаниям через визуальные признаки и индивидуализирующие свойства. В результате публицисты разделили подданных России на «русских» и «нерусских» и применяли по отношению к этим группам разные текстуальные стратегии. Русские описывались как народ-культура и народ-нация, а нерусские как народы-культуры и народы-этноты.

6. Выявление и признание источниковедческой особенности периодической печати требует изменения исследовательского подхода. По всей видимости, он не может строиться на использовании его сведений в качестве иллюстраций или прямых аргументов для исследований по истории этнографии или этнической истории. Проведенный источниковедческий анализ показал, что публикации на темы народонаселения в периодических изданиях изучаемого времени представляют собой фрагменты согласованных рассказов-интерпретаций и им свойственна та же степень субъективности, что и любой публицистической версии проблемы. Исходя из этого, данному виду источника можно задавать только те вопросы, на которые он может ответить, то есть, как и почему в то время сложилось именно такое видение России.

**Практическая значимость исследования** состоит в том, что его материалы могут быть использованы при изучении истории периодической печати и общественной мысли Российской империи конца XVIII – первой половины XIX вв., истории народов, проживающих в Российской империи. Данное исследование может быть применено при составлении учебных курсов, пособий, в работах по отечественной истории, этнографии, истории географической науки. Кроме того, результаты данной работы могут быть применены в разработке проблем в области журналистики и

социологии как образец формирования общественного мнения (картины мира) с помощью СМИ.

**Апробация исследования.** Основные положения диссертации были доложены и обсуждены на международной научной конференции (Иваново – Плётс, 15–16 мая 2008 г.); на всероссийских научных конференциях: Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 2007 г.); (Санкт-Петербург, 2008). Всероссийская конференция «Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия» (Казань, 2009). Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 2010). Также результаты исследования были опубликованы в 3 статьях, 2 из которых – в журналах и изданиях, рекомендованных ВАК.

**Структура исследования.** Диссертация состоит из введения, трех глав, поделенных на шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации составляет 210 страниц.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

**Во введении** обосновывается актуальность темы, дается общая характеристика степени ее изученности, определяются объект, предмет, анализируется источниковая база диссертации, раскрывается научная новизна и практическая значимость исследования.

**Первая глава «Источники и методы исследования»** посвящена выявлению источниковых возможностей периодической печати при анализе идейных коллизий «века Просвещения», а также особенностям работы исследователя с таким многоплановым материалом.

*Первый параграф «Источниковые возможности периодической печати»* раскрывает особенности работы исследователя с таким видом источника как периодическая печать, выявляет основные характеристики литературно-общественные журналов конца XVIII – первой половины XIX вв.

В данном диссертационном сочинении периодическая печать рассматривается как средство коммуникации, формирующее представления о национальной идентичности и создающее этнические стереотипы в сознании российской интеллектуальной элиты. Журналистику исследуемого периода отличало совмещение в одном лице издателя, редактора и основного автора, постепенный количественный прирост изданий, апробация новых форм и жанровых приемов публикаций.

Для реализации исследовательского замысла все выявленные периодические издания были разделены по характеру публикаций. При этом были отклонены правительственные (ведомственные) периодические издания, специализированные журналы (посвященные театрам, моде, музыке и т.п.), периодические сборники образовательных заведений, имеющие профессиональную аудиторию. Исследовательское внимание было сфокусировано на литературно-общественных журналах. Прежде всего, потому, что их публикации позволяют выявить реакцию современников на происходящие политические изменения и уловить общественные устремления. Востребованность этих материалов, по-видимому, соответствовала общественным запросам. Периодичность поднимаемых тем, позволила выявить сведения о народах, проживающих рядом, об их восприятии, о «своих и чужих».

Сформировавшийся в процессе отбора, комплекс источников подвел к созданию «внутренней» периодизации. Первый период предлагаемого мною деления охватывает последнюю треть XVIII века, когда появились первые частные журналы общественно-литературной направленности, такие как «Всякая Всячина», «Поденщина», «Кошелек» и др. Характерным типом периодических изданий этого периода были сатирические журналы, в которых основным жанром публикаций являлись письма, корреспонденция, поступавшие на имя «господина сочинителя». В роли «авторов» таких писем выступали люди, якобы принадлежащие к различным российским народам.

Второй период составляет первую четверть XIX века. Он обусловлен изменениями в структуре журналов, увеличением количества материалов, затрагивающих проблему этнической идентичности. В первой четверти XIX в. основным жанром, в котором освещалась проблема народонаселения России, стали научные статьи, маркирующие переход от описательности к систематизации и анализу.

Третий этап – вторая четверть XIX века, когда российская периодика начинает приобретать профессиональные (институциональные) черты. В это время в периодической печати появляются этнографические очерки о народных традициях, песнях, ритуалах и обрядах народов Российской империи.

*Во втором параграфе «Теоретико-методологические основы изучения материалов периодических изданий»* выявляются современные теории коммуникации и подходы к исследованию материалов периодической печати.

Советское источниковедение основным приемом работы с периодической печатью как историческим источником считало текстовый анализ журнальных публикаций, связанной долгой историографической традици-

ей изучения журналистики историками литературы (филологами). В современной исследовательской практике гуманитарных наук все большее значение приобретают междисциплинарные подходы. Среди научных дисциплин, занимающихся изучением СМИ, и периодической печатью как их основного компонента, кроме собственно журналистики и истории, можно назвать социологию, психологию, философию, политологию.

Теоретической основой данного исследования является конструкционистский подход, разработанный в социологии. Возникновение этого социологического подхода связано с именами американских ученых П. Бергмана и Т. Лукмана. Конструирование социальных процессов исследовал известный французский ученый Пьер Бурдьё, который предложил называть сферу, затрагивающую интересы журналистики, абстрактным понятием «поле». Он определил, что поле журналистики, также как поля политики и социальных наук, является легитимным поставщиком видения мира, устанавливающий свои правила и условности восприятия действительности.

Для анализа исследуемого объекта восприятия – образа народа, были привлечены современные теории национализма, которые анализируют появление такой общности, как нация. Опираясь на работы последователей конструктивного прочтения феномена национализма, я придерживаюсь мнения о «рукотворном» создании любой нации и критериев для ее определения. Благодаря исследователю национализма Б. Андерсону, можно утверждать, что литература и журналистика играли огромную роль в формировании ощущения нации и становились катализатором формирования самосознания интеллигенции, взявшей на себя роль проповедника национальной идеи там, где она не была взята на вооружение государственным аппаратом.

Одним из важнейших исследовательских направлений, в русле которого написана данная работа, является школа истории идей. На основе подходов, предложенной школой истории идей, в данном исследовании были выявлены «идеи-единицы», которые на протяжении всего исследуемого периода встречались в публикациях журналов, посвященных народам Российской империи. В основном, эти идеи были заимствованы из европейской философской мысли XVIII в. – идеи распределения народов по шкале «от варварства к цивилизации», идея зависимости характерных черт народов от климатических условий их проживания и т.п.

Для понимания механизмов функционирования текстов журналистики необходимо обратиться к теории коммуникации. Одним из приемов видения процесса коммуникации является символическая модель, когда в первую очередь исследуются закодированные знаки и образы, передаваемые в сообщении. Данная модель связана с научным направлением – семиотикой.

Большинство последователей семиотики признают главную роль за контекстом. Для неоднократного прочтения текстов, с целью вычленив из него максимум скрытой информации, исследователю необходимо погружаться в контекст, культуру и повседневность изучаемого периода.

В этой связи особый интерес в семиотике представляет проблема мифотворчества. Известный структуралист Ролан Барт считал, что миф это коллективное представление, которое помогает легче воспринимать действительность. Таким образом, информация об образах народов Российской империи должна быть вписана в один из известных обществу мифов, или создать свой собственный миф, для удобства и быстроты восприятия. Исходя из этого, получается, что даже свободный от конструкций образ народа, когда будет помещен в текст журнала и прочитан в определенном временном контексте, мифологизируется в сознании читателя, под воздействием главенствующей идеологии.

Для определения механизмов конструирования и возможностей воздействия на сознание важное значение для данного исследования имело обращение к теории образа. В материалистическо-философском подходе образ определяется как результат и идеальная форма отражения объекта в сознании человека. В психологическом подходе образ представляет собой субъективную картину мира или его фрагментов. В социологии образ трактуется как результат процесса репрезентирования (представления). Процесс восприятия, в том числе и образа народа из журнальной публикации, есть механическое подведение еще неизвестного явления под устойчивую формулу (стереотип). Поэтому периодическая печать стандартизирует сообщение, т.е. формирует информацию под стереотип, либо создает необходимый стереотип и поддерживает его, пока он выполняет функцию быстрого восприятия информации. При этом существует особая разновидность социального стереотипа – национальный стереотип. Определяющие этнические стереотипы строились на основе господствующего видения «других» народов в Западной Европе – доминирования, колониализма, «ориентализма».

**Во второй главе «Журналистские идеи о народонаселении Российской империи в конце XVIII – первой четверти XIX вв.»** выявляются тенденции и приемы формирования образов народов Российской империи в журнальных публикациях этого времени.

*В первом параграфе «Народы России на цивилизационной «карте» мира»* определены основные причины обращения журналистов к теме народонаселения Российской империи, проанализированы характеристики, приписываемые народам и разница в интерпретации этих качеств.

Журналы второй половины XVIII в. являлись проводниками (популяризаторами) результатов новейших географических и этнографических



изысканий. Для этого они использовали изданные труды путешественников, приправляя их собственными размышлениями и фантазиями на этнографические темы. Благодаря этому научный дискурс трансформировался в художественные жанры стихов, повестей и романов, эссе и литературную критику. Народы Российской империи на страницах периодической печати конца XVIII в. использовались для пропаганды идей Просвещения, для формирования в сознании, как соотечественников, так и западных читателей имиджа цивилизованной страны.

В этот период описание пространства империи осуществлялось двумя ведущими способами. Первый – одушевление земли, ландшафта, региона, использование для рассказа о них антропоморфных образов. Второй, когда российские народы служили маркерами протяженности пространства. В этом качестве они приравнивались к географическим объектам. Впитывая западные идеи о «цивилизации-варварстве», российские журналисты описывали народы, находящиеся в отдалении от центральной части России, как объект познания, безмолвный, отстающий, необразованный. В периодической печати конца XVIII в. большинство народов Российской империи (сибиряки, поляки, литовцы и пр.) представляли неразумными детьми, нуждающимися в принудительной опеке и наставлении «взрослых» под напутствием Матери Отечества – Великой Екатерины. Они получали статус опекаемых, защищаемых или освобожденных.

Перманентными вопросами, затронутыми в журналистике екатерининской поры, были проблемы патриотизма, национальной и гражданской идентификации. Постоянным лейтмотивом публикаций о народах Российской империи был акцент на самостоятельное освоение диким народом письменной культуры, что должно было свидетельствовать о проникновении цивилизации, о возможностях перехода «от тьмы к свету», об облагораживающем влиянии русской культуры. Критерии отнесения народов к диким и нецивилизованным нередко упрощались журналистами и сводились к описанию физических проявлений. Освоение языка элит давало им право на культурное посредничество. В таковом качестве они могли выражать мысли своего народа и быть его законными представителями. Применялись объект-субъектные отношения: народный представитель становился легитимным исследователем.

Дикость не была приемлема для Просвещенной России, поэтому и власть и интеллектуалы, выявив ее основные критерии, параметры, направляли усилия на искоренение предрассудков, невежества, суеверий и прочих «недостатки» народов. Одним из искореняемых свойств было язычество и его различные проявления. Языческие поверья, присущие многим народам Российской империи, высмеивались в периодической печати конца XVIII

века и объяснялись с рациональной точки зрения. В отличие от суеверий и язычества, отношение к пословицам и поговоркам русского народа было в периодике екатерининской поры совершенно иное. Пословицы считались мудрыми наставлениями, мыслями, переданные предками через поколения, как записи изречений античных философов.

Осуществлялись различные способы установления истинных черт характера народов, в особенности русского. Вариант, испробованный журналистами на страницах «Всякой Всячины», определил, что в национальном характере русских есть истинное и что есть чуждые вкрапления, пришедшие от народов «Востока». Итогом полемики, вызванной этим предположением, стал окончательный вердикт о «добрых нравах» татарского народа и утверждение, что характер русских был «испорчен» еще раньше смешением славян с сарматами. Другим способом поиска качеств для русского народа становятся статьи, направленные на борьбу с галломанией в среде российского дворянства.

*Во втором параграфе «Культурное разнообразие народов Российской империи в периодической печати первой четверти XIX в.»* выявляются основные вопросы, связанные в отечественной периодике с народонаселением Российской империи, определяется зависимость описаний народов от политических событий и идейных доминант.

Российские литературные журналы начала XIX в. уделяли мало внимания описаниям народов империи, отдавая предпочтение вопросам языка и патриотизма. Одной из тем, перешедшей из предыдущего века, была проблема самоидентификации, границах и критериях причисления себя к определенному народу. Подобные вопросы решались в публикациях, направленных на искоренение моды на французское. Как считали журналисты начала XIX в. самовосприятие русских людей зависит от условий, в которых они выросли, а не генетически. Как защита от иностранного (то есть враждебного) влияния была предложена пропаганда народных обычаев и праздников. Предполагалось, что это будет способствовать формированию национального сознания.

Нациостроительство заключалось в этот период в порождении у читателей чувства общности со всеми жителями Российской империи. Оно могло возникнуть из любви к родине, к стране, к соотечественникам и посредством унификации норм литературного языка. По вопросу о едином национальном русском языке в начале XIX века в среде российских литераторов сложились два противоборствующих лагеря, лидерами которых считались Н.М. Карамзин и А.С. Шишков. Карамзин в своих статьях в «Вестнике Европы» доказывал необходимость реформирования русского литературного языка на основе современной разговорной речи. В то время как Шишков и его последователи видели в этом уступку европей-

цам и утрату национальных основ. Единый литературный русский язык, по их мнению, должен был быть основан на церковнославянском языке, как сохранившим первоисточник – славянский язык.

Поиски национального основания (ядра), что следует признать историческим и незыблемым, привело в начале XIX века к эстетическому и этическому признанию ценности фольклора. В российских журналах появились статьи с педантичным разбором собранных сказок, пословиц и поговорок, песен. Авторы считали, что в песенном фольклоре, передаваемом из уст в уста через поколения, скрыт первоисточник характерных черт народа.

При отсутствии упоминаний о других народах Российской империи в разнообразных жанрах «обыгрывался» образ русского человека, отбирались и фиксировались основные черты характера истинного Росса. Самыми распространенными его свойствами признавались мужество и храбрость, способность учиться и, перенимая, создавать новое.

Начиная с 1815 года ситуация изменяется. После заключения Священного Союза российские журналы начинают публиковать разнообразные сведения о других народах России и их характере. Основным жанром публикаций стали заметки путешественников и письма в редакцию, делающие акцент на описании коренного населения окраинных (отдаленных) территорий Российского государства.

В журнальных публикациях первой четверти XIX века малороссияне часто описывались и характеризовались через сравнение с русскими. После Отечественной войны 1812 года в периодике проявился повышенный интерес к казакам, в особенности к проблеме происхождения их названия, их историческому прошлому, а также к их особым военным качествам. Чаще всего казаки фигурировали при обсуждении темы патриотизма.

Описание сибирских народов содержало разносторонние оценки. Подробно рассказывалось о жилище народов, костюмах, чистоплотности, проводились сравнения с другими народами. В одних публикациях сибирские народы представляли как добрые и отзывчивые люди, в других – авторы использовали уничижительные определения, которые применялись в отношении западных колоний. Россияне представлялись спасителями Европы от звероподобных, диких народов.

В журналистике первой четверти XIX в. киргиз-кайсаки представляли диким, необразованным и неуправляемым народом. Все общество киргиз-кайсаков виделось объединенным только древними обычаями, которые сами есть признаки отсталости, нецивилизованности, анархии. Авторы называли калмыков «младенствующими народами», подчеркивая их суеверие и разгульный образ жизни.

Кавказские народы также представлялись на страницах периодики как дикий народ и поэтому авторы стремились только к фиксации данных о них. Они описывали физические свойства, их жилища, еду и занятия. Более подробно характеризовались обычаи кавказцев, кровная месть и сохранение замкнутых сословных рамок. Существовали случаи сравнения кавказских народов с животными, а их жилища с берлогами.

**В третьей главе «Представления о народонаселении Российской империи в периодической печати второй четверти XIX в.»** анализируются образы российских народов, созданные в отечественной периодической печати второй четверти XIX века. Анализ источникового материала позволил выявить две матрицы конструирования этнических образов – ориентализирующая для «нерусских» групп и этноцентричная для тех, кого стали относить к «русскому народу».

*В первом параграфе «Нерусские» народы Российской империи»* выявлены культурные и локальные границы зоны «нерусскости» в Российской империи: определены наименования народов, относимых к этой зоне, определены критерии для этой процедуры.

В отечественной журналистике второй четверти XIX века заметную роль стали играть статьи научного дискурса, с доказательствами, причинно-следственной связью, обоснованными выводами. В публикациях университетских ученых отразились проекты-поиски способа описания и классификации разнообразного населения империи. Колониальный дискурс европейских писателей проник в российскую прессу. Западные ориенталисты описывали восточные народы с позиций превосходства и силы, конструируя образ отсталого, зависимого и нуждающегося населения. В российских журнальных текстах второй четверти XIX века эти подходы к описанию «других» использовались в отношении к «киргиз-кайсакам», «башкирцам», «кавказским племенам», якутам, тунгусам. Российские журналисты акцентировали внимание читателей на отсутствии образования и просвещения у «азиатских» народов. Создавая их описание, авторы фантазировали на темы «нравов и обычаев». Так, черкесы и другие «азиатские» народы Российской империи являлись для авторов бездумными существами, живущими по заведенному сценарию из поколения в поколение, застывшие в своем «младенческом» состоянии без развития.

Во второй четверти XIX века при описании народонаселения Российской империи авторы продолжали использовать идеи Просвещения, такие как географический детерминизм и проведение границы между европейскими и азиатскими народами по принципу «цивилизации» и «варварства».

Специфика описания кавказских народов состояла в том, что они оставались еще не до конца изведенными, описанными и существовали обособ-

ленно и закрыто. Благодаря современным социологическим исследованиям, посвященным проблемам представлений о «враге» в сознании людей, можно утверждать, что кавказские народы, памятуя продолжающуюся в те годы войну с Северо-Кавказским имаматом, были ярким представителем образа «чужого» для российских интеллектуалов. Поэтому систему описания горцев приходилось создавать заново: оценки и отношение к народу в целом варьировалось у писателей-журналистов николаевской эпохи от боязливое до восхищенного. Кавказские народы поражали публицистов строгой иерархией взаимоотношений в семье и обществе, рамками поведения, отличными от европейских, но, в то же время, не являющимися девиантными. Позиция «знание-сила» и нацеленность на подчинение кавказских народов российскому правительству приводили к однонаправленному взгляду на этнические окраины империи.

На более низкой ступени развития, чем кавказские народы, находились, по версии журналистов, «азиатцы», то есть такие племена, как сибирские татары, якуты, тунгусы. Писатели всячески подчеркивали их удаленность от культурного уровня русских. Такая стратегия поддерживала убеждение в превосходстве и миссионерской роли русского народа по отношению ко всем жителям Российской империи.

*Во втором параграфе «Русскоцентричные идеи в журналистике второй четверти XIX века»* определяются основные характеристики русского народа, обосновываются этноцентрические позиции журналистов второй четверти XIX в.

Появлению национальных идей в среде интеллектуальной элиты Российской империи способствовало общеевропейское культурное течение – романтизм. Их проникновение в правительственные круги способствовало формированию русскоцентричной государственной идеологии. Акцентирование на изучении языка, истории, обычаев и традиций, народности как народного духа было нацелено на национальную и имперскую солидарность. Эти процессы получили в этнической психологии название этноцентризма.

В исследуемое время лидерами в изучении и описании народов стали лингвистика и история. Доказательства, основанные на изысканиях в области языка или исторических свидетельствах, влияли на распределение народов по принципу «древний, старший, развитой» и «молодой, низший, отсталый». Классификацию народов Российской империи писатели выстраивали в виде центричной схемы: в центре, как старшие, были русские, во втором круге находились родственные народы, близкие по степени развития и историческому пути, славяне (украинцы, белорусы, поляки и др.), в третьем круге – иные народы, имеющие письменность и зачатки

культуры, а в последнем круге оставались народы, находящиеся на стадии племенного состояния.

В первой четверти XIX века стало важным установить основополагающие признаки русских, неиспорченных влиянием других народов и ходом исторического развития. Одной из тенденций было считать прежнюю Россию как давно исчезнувший мир, который предстоит выстраивать заново из обломков. В журналистике второй четверти века русский народ упоминался в статьях о древней истории, в разысканиях о старинных обрядах, берущих начало в прошлом. Особый интерес для писателей представлял дохристианский период, который выявлялся по реконструкции отрывочных сведений из устного народного творчества. Поэтому авторы журнальных публикаций о языческих праздниках Руси и о сохранившихся традициях русского народа, не выступали противниками язычества, как их «коллеги» в конце XVIII века, а как «благодарные потомки» фиксировали все особенности. Идея о том, что в народных обрядах и обычаях содержатся национальные основы российского народа, активно проводилась отечественными журналистами.

Постепенно в российской журналистике сложилось представление о преобладании русского населения на территории сибирского региона, что привело к нивелированию особенностей сибирского населения, которое теперь стало считаться истинно русским или старинно русским народом. Сибиряки были признаны носителями истинно старинного славянского языка, обычаев, традиций – благодаря отсутствию иноземного влияния, которое испытала вся остальная территория России.

Интересным моментом в отношении русского народа было подчеркивание его преобразующей роли, о влиянии русской культуры на состояние других народов Российской империи.

Поиски и коллекционирование фольклора касались не только русских, но и родственного им народа – малороссиян. Инициаторами интереса к украинскому языку, традициям и обычаям были, в большинстве случаев, сами представители малороссийского народа. Основными чертами характера малороссов были избраны и пропагандировались в российской прессе душевность и тонкость в выражении чувств, красота и мелодичность украинской речи. Журналисты, отрицая близость русского и малороссийского народов, предпринимали попытки найти другой сравнительный материал для понимания характера народа Малороссии.

**В заключении** сформулированы основные выводы исследования.

## Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

*Публикации в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Фомина Л. В. Репрезентация многонациональной империи на страницах журнала «Всякая Всячина» / Л. В. Фомина // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, кн. 2, ч. 2. – С. 63–73.

2. Фомина Л. В. Идеи о «чистых» и «смешанных русских» в отечественной публицистике 1760-х годов / Е. А. Вишленкова, Л. В. Фомина // Диалог со временем. – 2010. – № 3. – С. 141–156.

*Публикации в других научных изданиях*

3. Фомина Л. В. Проведение культурной границы между «русскими» и «нерусскими» в этнографических исследованиях XIX в. / Л. В. Фомина // Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского государственного университета 2006 года: сб. тез. – Казань, 2006. – С. 23.

4. Фомина Л. В. Русские: нация и этничность в отечественной публицистике начала XIX в. / Л. В. Фомина // Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского государственного университета 2007 года: сб. ст. – Казань, 2007. – С. 41–44.

5. Фомина Л. В. Понятие «русские» на страницах отечественной публицистики первой четверти XIX века / Л. В. Фомина // Платоновские чтения: материалы XIII Всероссийской конференции молодых историков, г. Самара, 23–24 ноября 2007 г. – Самара, 2007. – С. 131–133.

6. Фомина Л. В. Русский как метафора силы / Е. А. Вишленкова, Л. В. Фомина // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость: материалы международной научной конференции, Иваново – Плётс, 15–16 мая 2008 г. – Иваново, 2008. – С. 263–267.

7. Фомина Л. В. Фольклор в исследованиях феномена национализма: подходы и методы / Л. В. Фомина // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. – М., 2009. – С. 201–203.

8. Фомина Л. В. Упорядочивание империи на страницах периодической печати второй половины XVIII в. / Л. В. Фомина // Вторые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия». – Казань, 2010. – С. 127–136.

Подписано в печать 14.12.2011 г. Формат 60×84 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>  
Тираж 120 экз. Усл. печ. л. 1,5

Отпечатано в множительном центре  
Института истории АН РТ  
г. Казань, Кремль, подъезд 5  
Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09